

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ П.Н. ТКАЧЕВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Рассматриваются оценки социально-политических взглядов П.Н. Ткачева в отечественной исторической науке постсоветского периода. Делается вывод об актуализации в данное время точки зрения о значительном влиянии русского бланкизма на русское революционное движение и, как следствие, изменении оценок деятельности Ткачева и роли его учения в истории русской радикальной мысли.

Ключевые слова: революционная теория; народничество; русский бланкизм; постсоветская историография.

В постсоветский период продолжился начатый в годы перестройки процесс осмысления влияния революционной теории П.Н. Ткачева на ход русского революционного движения и появление большевистской концепции социалистических преобразований. Начало положили отзывы научной общественности на монографию Е.Л. Рудницкой [1]. Так, обозреватель журнала «Вестник Российской академии наук» Я.Г. Рокитянский соглашался с главным выводом работы о влиянии идей Ткачева на Ленина и сожалел лишь о том, что об этом в книге сказано скороговоркой, хотя «имело бы смысл поговорить об этом подробнее», потому что «когда читаешь приведенные Рудницкой высказывания Ткачева, на память приходят аналогии на Ильича» [2. С. 382]. Между тем рецензент причислил Петра Никитича к «Народной расправе» С.Г. Нечаева, игнорируя тот факт, что во время следствия по нечаевскому делу не удалось это доказать. Без ссылок на документы он утверждал, что Ткачев был причастен к «заговорщической деятельности» нечаевской организации и отсюда происходила его негативная реакция на роман Ф.М. Достоевского «Бесы» [2. С. 380]. С этой точкой зрения согласился праправнук Н.Г. Чернышевского, саратовский историк Д.В. Чернышевский. Как и Я.Г. Рокитянский, он голословно обвинил Ткачева в тесном сотрудничестве с Нечаевым, добавив еще участие Петра Никитича в мистификациях и преступлениях, не указав, правда, в каких именно [3. С. 186].

Отметим, что знакомство Ткачева с Сергеем Нечаевым приходится на 1868 г. Для недавно появившегося в столице учителя провинциальной приходской школы Нечаева отношения с широко известным в радикальных кругах талантливым литератором были очень выгодны. Протекция Ткачева открывала перед ним двери в тайные революционные общества и кружки. В 1868 г. Ткачев совместно с Нечаевым создал «Программу революционных действий». Этот документ носил бланкистский характер, что позволяет говорить о преимущественной роли Ткачева в его написании [4. С. 203–206]. Однако затем пути Ткачева и Нечаева разошлись. Причина, думается, лежит в несовместимых типах личности. Несмотря на свой радикализм, Ткачев был интеллигентом, носителем определенного пласта русской культуры, тогда как Нечаев до конца своих дней оставался едва тронутым культурой фанатиком. Ткачев не были ни «нечаевцем», ни членом «Народной расправы». Возможно, Петр Никитич ценил Нечаева за преданность делу, организаторские способности и неумную энергию, но слишком разным был их политический вес, чтобы Ткачев позволил собой руководить. К тому же, по свидетельст-

ву очевидца, между ними были серьезные разногласия [5. С. 136–146].

Линию преемственности в русском революционном движении, обозначенную Е.Л. Рудницкой, поддержал и С.В. Тютюкин, подчеркнувший тесную генетическую связь между ткачевизмом и большевизмом, ее закономерность. Ученый назвал очевидной мысль о наличии в теоретических построениях большевиков и практической их деятельности «многочисленных элементов русского революционного радикализма в духе Петра Ткачева» [6. С. 125]. Кроме того, С.В. Тютюкин призвал пересмотреть оценки полемики Ткачева с Ф. Энгельсом, так как при объективном ее освещении видна натянутость доводов немецкого социалиста, которые не всегда были корректны по форме и основывались «на несколько упрощенной и облегченной интерпретации взглядов молодого русского революционера» [6. С. 126]. Свою лепту в общий положительный характер восприятия труда Е.Л. Рудницкой внес один из авторитетнейших специалистов в области истории революционного народничества В.Ф. Антонов. Анализируя политическую программу Ткачева, он пришел к недвусмысленному выводу, что «партии большевиков с захватом власти уже нечего было изобретать для обоснования предпринятого ею социального террора в “интересах народа”» [7. С. 261].

Рецензии на монографию Е.Л. Рудницкой, тот живой интерес, который она вызвала, показали, что вопросы, связанные с преемственностью в русском революционном движении, генезисом идеологии, тактики и стратегии большевизма оставались острыми и актуальными. Однако в 1990-е гг. их активного изучения не велось. Интерес к революционной проблематике был на время потерян. Доминирующими в отечественной исторической науке стали темы по истории ментальности, сословий, повседневности и т.д. Несмотря на это, осмысление социально-политической концепции Ткачева продолжилось в немногочисленных работах по истории освободительного движения в России.

Например, к сюжету дискуссии между Ткачевым и Ф. Энгельсом обратились Б.С. Итенберг и В.А. Твардовская. Они постарались отрешиться от идеологических догм и клише и подошли к полемике с точки зрения объективных исследователей, учитывающих реалии русской действительности второй половины XIX в., к чему и призывал С.В. Тютюкин. Данный подход позволил авторам заострить внимание на изначальной предвзятости Ф. Энгельса, который «цитировал своего оппонента достаточно произвольно, избирательно, не всегда с должной объективностью толкуя его мысли» [8. С. 104]. Беспристрастный анализ пока-

зал очевидность того, что, во-первых, в аргументах русского народника было гораздо больше правоты и понимания ситуации, чем в умозрительных конструкциях немецкого социал-демократа, а, во-вторых, расхождения между ними были не так значительны, как это подчеркивала официальная советская историография. Ф. Энгельс, как и Ткачев, считал, что Россия стоит на пороге революции, видел государственную власть в состоянии неуверенности и расшатанности, допускал возможность народного восстания и, главное, не признавал никакой альтернативы революционному пути. В некоторых моментах Ткачев мыслил реалистичнее Ф. Энгельса. В частности, это касается осознания им «бесперспективности крестьянской революции» в России [8. С. 115].

Позиция Б.С. Итенберга и В.А. Твардовской оказалась созвучна точке зрения философа К.М. Кантора. Он предположил, что острие критики Ткачев направлял не только против Ф. Энгельса, но и против своего недавнего кумира К. Маркса, так как Петр Никитич прекрасно понимал, что тот стоит за спиной своего соратника. Данное обстоятельство, впрочем, не помешало К.М. Кантору назвать Ткачева «первым русским революционером-марксистом» [9. С. 97]. Далее автор сосредоточился на факторах ученичества В.И. Ленина у Ткачева. На взгляд К.М. Кантора, преемственность прослеживается в двух основных аспектах: во-первых, в ленинской концепции соотношения сознательности и стихийности в революционном процессе; во-вторых – «для Ленина быть марксистом означало исходить из реальностей России, как это и делал до него Ткачев» [9. С. 99]. Это позволило автору прийти к заключению, что В.И. Ленин в своей теоретической и практической деятельности целиком встал на сторону Ткачева.

Кроме пересмотра результатов полемики между Ткачевым и Ф. Энгельсом в работах исследователей первого постсоветского десятилетия прослеживаются еще два сюжета. Первый был связан с настойчивыми попытками доказать «нечаевское» прошлое Петра Никитича Ткачева. За отсутствием документальной базы делалось это, как правило, посредством конструирования гипотетических предположений. Так, А.Ю. Минаков утверждал, что «Ткачев являлся одним из главных идейных вдохновителей нечаевщины» [10. С. 80]. Тот факт, что Ткачев никогда не высказывался негативно о Нечаеве, не критиковал его, защищал от ложного, как он считал, толкования образа нечаевцев в «Бесах», дал автору основание сделать сомнительный, на наш взгляд, вывод, что на страницах «Набата» Ткачев «отстаивал и развивал воззрения Нечаева на характер и принципы построения революционной организации» [10. С. 89]. Гораздо убедительнее выглядит мысль А.Ю. Минакова о том, что теоретические наработки Ткачева и Нечаева были «едва ли не буквально» воспроизведены большевиками [10. С. 103]. Этой же схемы (Нечаев – Ткачев – большевики) преемственности в русском революционном движении придерживался А.И. Широков [11].

Второй сюжет связывал имя Ткачева с началом активной террористической борьбы народников с самодержавием. Колоритный образ Ткачева-террориста, не имевший ничего общего с реальностью, нарисовал

Е.В. Кротов. По его убеждению, система взглядов Петра Никитича целиком строилась на терроре, убийстве царя и его ближайшего окружения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «террорист как политическая фигура русского общества был подготовлен... новыми политическими установками П.Н. Ткачева» [12. С. 117]. С более сдержанной, но, по сути, той же самой позиции подошел к проблеме О.В. Будницкий. Он отнес Ткачева к числу «сторонников и одного из самых ярких пропагандистов терроризма», превзошедшего не только народовольцев, но и «сторонника “террористической революции” Н.А. Морозова» [13. С. 6, 68]. Подобные выводы строились на анализе заключительного этапа политической деятельности Ткачева, на его последних печатных выступлениях. Мы считаем, что тем самым не бралось во внимание все творческое наследие мыслителя, упрощался сложный и неоднозначный процесс эволюции его концепции, частное вырывалось из контекста общего.

Заметим, что Ткачев не был оригинален в поддержке террора в определенный момент. Эту черту можно встретить у других радикальных мыслителей, даже у тех, которые были принципиальными противниками терроризма. Например, К. Маркс в полемике между «Черным переделом» и «Народной волей» встал на сторону последней. Об этом он недвусмысленно заявил в письме Ф. Зорге. К. Маркс критиковал фракцию чернопеределцев, которые вели революционную пропаганду в эмиграции, и ставил им в пример «террористов», рискующих «собственной шкурой» в России [14. С. 86].

Г.В. Плеханов, который в свое время подверг обстоятельному критическому анализу программу и практическую деятельность «Народной воли», в начале XX в. писал, что «...это не значит, что я безусловно “отрицал” и “отрицаю террор”. Повторяю, обстоятельства меняются, а террор – не принцип. Может быть, скоро придет такое время, когда я не менее энергично стану высказываться в пользу террора» [15. С. 27]. Такое время скоро наступило. В период Первой русской революции Г.В. Плеханов признавал по отношению к черносотенной «сволочи» только один прием борьбы: *террор*. Он в сочувственном тоне говорил о замечательной плеяде революционеров 1870-х гг., которые великолепно владели револьверами и кинжалами, и призывал «товарищей» как можно скорее «пополнить этот пробел своего революционного образования» [16. С. 351, 352].

В том же «террористическом духе» высказывался в начале XX в. и В.И. Ленин. Еще в работе «С чего начать?» он указывал на то, что социал-демократы никогда не отказывались и не могут отказываться от террора, так как это «одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения...» [17. С. 7]. Во время октябрьской политической стачки 1905 г. В.И. Ленин призывал студентов и рабочих создавать небольшие отряды от 3 до 10 человек, вооружаться «кто как может»: кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога – и тренироваться на взрывах полицейских участков, грабежах банков, избиении и убийствах городских, дворников, шпиков, бросании им в

лицо песка, молотого стекла, плескания кислоты [18. С. 336–338].

Приведенные примеры, на наш взгляд, доказывают правоту умозаключения о влиянии определенного момента на взгляды. Ткачев не был среди апологетов терроризма, как не являлись ими К. Маркс, Г.В. Плеханов и В.И. Ленин. Их объединяла абсолютизация революционного пути переустройства общества. Отсюда возможность поддержки любого средства для достижения желаемой цели, особенно если эта цель кажется близкой и осязаемой, даже когда данное средство в принципе не считается нормальным.

Большинство постсоветских авторов занимало все же конструктивную, взвешенную позицию и пытались анализировать различные аспекты революционной теории Ткачева. Например, В.Д. Жукоцкий подчеркнул, что не стоит выискивать более правую сторону в полемике между Ф. Энгельсом и Ткачевым, поскольку истина разделилась в ней пополам, «как это часто бывает в большом деле, когда спорят об одном, а жизнь предлагает неожиданный синтез того и другого» [19. С. 164]. Ученый писал об уникальной способности Ткачева предвидеть историческую ситуацию, его проницательной интуиции, позволившей сделать настоящее «громовое пророчество» [19. С. 165]. Советскую систему он характеризовал как «ткачевско-ленинскую». Из доктрины Ткачева, по мнению В.Д. Жуковского, ленинизм исключил лишь два момента – «благоговение перед патриархальностью русской общины и размытость классовых перегородок» [19. С. 169].

На взгляд А.А. Ширинянца, жесткая, граничившая с жестокостью политическая программа Ткачева подавляла индивидуальность, вела к стандартизации и формировала «людей будущего» тоталитарного типа [20. С. 105]. Сходные суждения о том, что нельзя понять логику советской тоталитарной эпохи, не обращаясь к творчеству Ткачева, содержатся в работе С.В. Крамарчук [21. С. 145]. В свою очередь Я.Ю. Шашкова верно подчеркнула, что теория Ткачева отражала глубинные процессы в русском освободительном движении. Она согласилась с оценкой Петром Никитичем консервативности идеалов народа, но заметила, что в случае переворота «без народа» произошла бы смена управляющих, а не социальной системы в целом [22. С. 60]. Я.Ю. Шашкова считает, что террор в представлении Ткачева – это прежде всего орудие мести и самозащиты, и этот момент сближал его с народовольцами [22. С. 90, 92].

Можно сделать вывод, что в первое постсоветское десятилетие обозначилась тенденция непредвзятого и углубленного рассмотрения различных сторон революционной теории П.Н. Ткачева. Во многих исследованиях он стал восприниматься как серьезный идеолог, тонко понимавший и чувствовавший ритм общественной жизни, умевший видеть скрытые, еще не определившиеся тенденции в ней, не сомневавшийся в их верности и способный идти против течения. При этом стоит отметить, что в некоторых работах постсоветского периода все еще воспроизводились штампы советского времени о том, что Ткачев не понимал важности капиталистической стадии в деле создания условий для социалистической революции [23. С. 74] и страдал «ма-

териалистическо-механистическим» мировоззрением [24. С. 41].

Большое место заговорщической концепции Ткачева было отведено в монографии В.А. Исакова. Автор отмечает значительное (но не абсолютное) влияние марксизма на Ткачева в экономической составляющей его теории [25. С. 196]. Историк справедливо пишет, что Ткачев не копировал западно-европейский бланкизм, выделял в нем положительный и отрицательный опыт, старался понять причины поражения неоднократных попыток бланкистских переворотов во Франции. Фундаментальный подход позволил Петру Никитичу создать «наиболее завершенную версию русского политического заговорщичества» на основе синтеза русской действительности, опыта политических заговоров в России (в частности, дворцовых переворотов) и деятельности французских бланкистов [25. С. 205]. В.А. Исаков не поддержал мнение о «нечаевской» и «террористической» основе доктрины Ткачева. Во-первых, идеи централизованной, конспиративной организации высокоинтеллектуального меньшинства сформировались у него еще до знакомства с С.Г. Нечаевым, и, следовательно, если у лидера «Народной расправы» были похожие мысли, то восприняты они были как раз от Петра Никитича; во-вторых, «Ткачев в лучшей своей творческой форме... не был сторонником террора» [25. С. 208, 210].

Рассматривая положения революционной программы Ткачева, В.А. Исаков подчеркнул ее динамичность, прагматичность и реализм. Это позволило исследователю сделать вывод о неправомерности ее критики со стороны Г.В. Плеханова, считавшего, как известно, что Ткачев ради достижения своих целей стремился притормозить течение общественного прогресса. То же самое, по мнению автора, можно сказать и в отношении полемики Ткачева с Ф. Энгельсом, когда, раскритиковав больше из личной уязвленности и амбиций взгляды русского народника, спустя некоторое время марксист, по сути, согласился с ними [25. С. 214, 217]. В монографии не затрагивается популярная в постсоветское время тема взаимосвязи ткачевизма и ленинизма. Однако в последующих журнальных статьях В.А. Исаков высказал свою точку зрения по этому вопросу. Он назвал очевидной линией преемственности от Ткачева к большевизму в пунктах построения «казарменного коммунизма» [26. С. 101] и диктатуры партии [27. С. 168].

К жизни, деятельности Ткачева, его социально-политическим взглядам В.А. Исаков обращался еще неоднократно. Он был автором статьи о Петре Никитиче в энциклопедии, посвященной представителям общественной мысли русского зарубежья. Здесь ученый вновь отметил, что «в базовых программных статьях... у Ткачева нет установки на террористическую борьбу» [28. С. 550]. По мнению В.А. Исакова, ставка на террор свидетельствовала о надломленности Ткачева и, добавив от себя, о желании быть чем-то полезным борьбе с самодержавием, развернутой народовольцами. В заключении автор назвал концепцию русского бланкиста наиболее последовательным и радикальным вариантом революционного действия, «ориентированным на российскую специфику» [28. С. 552].

Во вступительной статье к избранным сочинениям Ткачева В.А. Исаков отметил, что русский народник, при всех расхождениях во взглядах с другими революционными фракциями, понимал пагубность пути конфронтации между ними и призывал к единству революционных сил перед лицом одного общего врага – самодержавия. Такая фокусировка, на наш взгляд, существенно обогащала и корректировала представление о месте и роли Ткачева в радикальной эмигрантской среде 1870-х гг., поэтому нам представляется вполне обоснованным вывод автора, что «такой предельно трезвой оценки потенциала революционных сил не высказывал ни один из теоретиков той эпохи» [29. С. 24].

Революционная теория Ткачева видится В.А. Исакову исторически и философски обоснованной, содержащей все необходимые компоненты и отражавшей российские реалии пореформенной эпохи. «Ахиллесовой пятой» программы является, по его мнению, ставка на принуждение и насилие в качестве панацеи на случай непредвиденных обстоятельств, если что-то пойдет не так, как планировалось. В итоге перманентная дик-

татура правящего меньшинства, которую в теории не признавал Ткачев, на практике была вполне реальна как результат сомнений в том, что народ сам может справиться со своими проблемами [29. С. 36]. Эту же черту обозначил И.А. Камынин. Досконально продуманная с точки зрения реализации доктрина Ткачева упиралась в противоречие между святой целью освобождения народа и способами ее достижения, делавшими данную задачу фактически невыполнимой, что, в свою очередь, привело к кризису народнического варианта социализма [30. С. 109].

Таким образом, постсоветский этап изучения революционной теории П.Н. Ткачева продолжил тенденции, наметившиеся во второй половине 1980-х гг. Отказ от методологического монизма, классово-идеологической предопределенности позволил исследователям актуализировать точку зрения о значительном влиянии русского бланкизма на русское революционное движение. Тем самым восстанавливалась историческая справедливость, отдавалось должное социальному чутью Ткачева, масштабу его личности, глубине его учения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992.
2. Рокитянский Я.Г. Рец. на кн.: Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992 // Вестник Российской академии наук. 1993. № 4.
3. Чернышевский Д.В. Рец. на кн.: Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992 // Вопросы истории. 1993. № 9.
4. Программа революционных действий // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. М., 1997.
5. Ралли-Арборе Земфир. Сергей Геннадьевич Нечаев (Из моих воспоминаний) // Былое. 1906. № 7.
6. Тютюкин С.В. Русский бланкист Петр Ткачев // Свободная мысль. 1993. № 14.
7. Антонов В.Ф. Рец. на кн.: Рудницкая Е.Л. Русский бланкизм: Петр Ткачев. М., 1992 // Отечественная история. № 4/5.
8. Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Фридрих Энгельс и Петр Ткачев: спор и согласие // Новая и новейшая история. 1995. № 6.
9. Кантор К.М. Немецкая идеология Маркса-Энгельса и русский марксизм (к проблеме социокультурных взаимоотношений России и Германии) // Вопросы философии. 1995. № 12.
10. Минаков А.Ю. С.Г. Нечаев и П.Н. Ткачев: к вопросу об идейной идентификации «нечаевщины» // Россия и реформы. М., 1997. Вып. 4.
11. Широков А.И. Левый политический радикализм в России (Последняя четверть XIX – первая четверть XX века). Магадан, 2000.
12. Кротов Е.В. Исследование теории и практики революционного движения в литературном творчестве русских писателей второй половины XIX века. Пенза, 1998.
13. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2000.
14. К. Маркс – Ф. Зорге. 5 ноября 1880 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
15. Плеханов Г.В. Предисловие к первому тому первого издания собрания сочинений // Плеханов Г.В. Сочинения. 2-е изд. М.; Пг., 1923. Т. 1.
16. Плеханов Г.В. Наше положение // Плеханов Г.В. Сочинения. 2-е изд. М.; Л., 1926. Т. 13.
17. Ленин В.И. С чего начать? // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5.
18. Ленин В.И. В боевой комитет при Санкт-Петербургском комитете // Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1968. Т. 11.
19. Жукоцкий В.Д. Маркс и Россия в религиозном измерении. Опыт историко-философской реконструкции смысла. Нижневартовск, 2000.
20. Ширинянц А.А. Вне власти и народа. Политическая культура интеллигенции России XIX – начала XX века. М., 2002.
21. Крамарчук С.В. Народнический марксизм П.Н. Ткачева: истоки ленинизма и современность // Карл Маркс и Россия: рубежи столетий. Екатеринбург, 2002.
22. Шашкова Я.Ю. Теория революционной партии народников 70–80-х гг. XIX в. Барнаул, 2002.
23. Карамова О.В., Семенкова Т.Г. Революционные народники о крестьянском вопросе // Вестник финансовой академии. 2003. № 1.
24. Ефименко М.Н. Позитивизм и социально-философская мысль России второй половины 19 века // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 1998. № 1.
25. Исаков В.А. Концепция заговора в радикальной социалистической оппозиции. Вторая половина 1840-х – первая половина 1880-х годов. М., 2004.
26. Исаков В.А. Радикальные социалисты России (1860 – первая половина 1880-х гг.) // Вопросы истории. 2004. № 10.
27. Исаков В.А., Исакова И.П. Концепция заговора в радикальной социалистической мысли России 1840–1880-х гг.: опыт периодизации и типологии // Отечественная история. 2006. № 6.
28. Исаков В.А. Ткачев // Общественная мысль русского зарубежья: энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2009.
29. Исаков В.А. Петр Никитич Ткачев // Ткачев П.Н. Избранное. М., 2010.
30. Камынин И.А. Государство и революция в политической теории народничества (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев). М., 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2012 г.